

Мари оказалось южнее Аккада и пропали Сузы, о которых так много говорится в тексте.

Наконец, на стр. 13 сообщается о каком-то блоке шумерских городов юга страны. Что это был за блок? К какому времени он относится? Все это остается неясным. Чувствуется, что книжка написана наспех и небрежно, без достаточной подготовки.

Внешне книжка выглядит прекрасно. Хорошая бумага, четкий шрифт, недурные иллюстрации, удачно выполненная обложка—все это производит, на первый взгляд, приятное впечатление.

В книжке И. М. Лосевой имеется и ряд удачных описаний и характеристик и чувствуется понимание специфики месопотамского искусства. Тем более следует пожалеть, что излишняя спешка и стремление сжать обильный материал на небольшом количестве страничек привели к большому количеству пробелов и ошибок, особенно недопустимых в популярной книжке.

Д. Г. Редер

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЗАИОРДАНИЕ

Прогресс в изучении истории и культуры Древнего Востока очень заметен за годы, предшествовавшие мировой войне. Уточнялась интерпретация источников, критически анализировались известные и вновь открытые надписи. В этой работе принимали участие виднейшие советские востоковеды, лингвисты и историки. Но без Вклада, внесенного археологическими экспедициями, результаты были бы гораздо беднее. В Передней Азии не только интенсивно продолжалось исследование Сирии и Палестины, но захвачен мало известный район—Заиорданье. Книга Nelson Glueck, «The Other Side of the Jordan», опубликованная в 1945 г., освещает, главным образом, археологические работы 1932—1939 гг. Ее автор—директор Американской школы исследования Востока в Иерусалиме, профессор Еврейского Юнион колледжа в Цинциннати и активный участник экспедиций в Заиорданье.

Книга содержит XVIII+208 стр. Она представляет собой расширенный курс лекций в Цинциннати в 1939 г. (стр. 1—200) и начинается подробным списком 127 иллюстраций, помещенных в тексте (стр. XIII—XIV); на стр. XVII краткое предисловие датировано 1940 г.; за ним следует небольшая таблица с датировкой изучаемых периодов; в конце книги помещен указатель (стр. 201—208). В шести главах книги освещены, главным образом: период бронзы 3000—1200 гг., век железа 1205—300 гг., эллинистический и римский периоды, включая набатейский, с 300 г. до н. э. по 323 г. н. э. Практически изложение захватывает феодальный период и некоторые факты вплоть до 1919 г.

Гл. I (стр. 1—32) разъясняет «Что такое библейская археология», каковы ее задачи, объекты и методы изучения; какими критериями руководятся археологи для датировки последовательно обитавшихся пунктов Заиордания, почему они возникали и при каких условиях могли существовать. Тщательный учет источников, действующих и заброшенных колодцев и древних цистерн показал, что количество оседлых пунктов было гораздо значительнее и ареал их шире, чем предполагалось ранее.

Гл. II (стр. 33—49) под названием «Пустыня Восточного Заиордания» излагает результаты экспедиции 1932 г. Американской школы изучения Востока в Иерусалиме, которая прошла маршрут от Мафрак на юге Сирии до Кильва, т. е. все Заиорданье вдоль границы его с пустыней до крайнего юго-восточного предела. Былые укрепления или замки систематически располагались на скрещении путей и командных высотах; часть руин была обследована предшествующими путешественниками. Техника кладки, строительный материал, планировка и разрешение внутреннего пространства построек, орнаментация и надписи часто позволяли теперь установить многообразие культурных сил, прослеживаемых в одном месте.

Наглядным примером для данного тезиса служат три строительных периода Каср Халлабат: набатейский, римский и византийский, с примыкающей к крепости омайд-

ской мечетью. Новые детали установлены в уже известных омайядских замках Азрак, Харана, Туба, Кусейр Амра. Маршрут не коснулся вадии Сирхан, ведущего в глубь Аравии и расположенного во владениях Ибн Сауда, восточнее Хиджазской дороги. Сюда современные археологи еще не могли проникнуть. Между тем, по предположению Н. Глюка, вадия Сирхан хранит остатки набатейской культуры, непосредственно связанные с южной Сирией. Эти условия представляют неожиданный контраст с XIX в., можно напомнить, что в 1845 г. через Маан в вадии Сирхан вступил Георг Август Вальлин, в 1862 г. там был В. Г. Пальгрэв, а в 1878 г. — Вильфред Скелен Блент и его супруга Анна Блент.

Наиболее интересно во II гл. описание древностей в Кильва на крайнем юго-востоке Заиордания (стр. 43—49). Руины Кильва лишь едва освещены в «Письмах» G. Bell, известной путешественницы по Ближнему Востоку. Найдены жилища небольшого поселка, сложенные из базальтовых глыб. Они датируются арабской надписью (рис. 16), выполненной куфическим шрифтом, и по изображению креста сбоку определяются, как остатки христианского монастыря, существовавшего около 1000 г. Неподалеку находится высохшая неглубокая цистерна и печи для обжигания известки. Тут же, на скалах, экспедицией впервые зафиксированы охотничьи сцены периода неолита: человеческие фигуры и животные — бык и горные козлы (рис. 16—18). Рисунки разновременные, от X тысячелетия до первой половины V тысячелетия до н. э., некоторые перекрывают друг друга. Особенно сильное впечатление производит глубоко врезанное кремневым резцом изображение каменного козла (рис. 17, стр. 47). Вторая экспедиция в Кильва после 1932 г. расширила круг найденных петроглифов.

Находки в Кильва убеждают в правильности утверждений автора, который пишет: «Там, где есть дорога для путешествия, торговые перекрестки, водоемы, доставляющие некоторую возможность существования, животные, на которых можно охотиться ради пищи, пространства, где, по крайней мере, в продолжение некоторых частей года могут пастись стада, там люди и их собственность собираются и часто оставляют после себя тот или иной след своего пребывания на лице земли, хотя бы это была пустыня» (гл. II, стр. 49).

Гл. III (стр. 50—88), «Медные копи царя Соломона», переносит читателя в другой район Заиордания и повествует о детальной разведке по глубокой складке вадии Араба, от южной оконечности Мертвого моря до правого рукава Красного моря — залива Акаба. Местность теперь совершенно безлюдна, только весной появляются бедуины, но при набатейцах и римлянах на многих участках было развито земледелие. Для предшественников набатейцев вадия Араба имело громадное значение; за обладание им вели ожесточенную борьбу израильтяне и эдомиты, иудеи и моавитяне. Книга Числ, 33 рассказывает об «Исходе» евреев от Эцион Гебер через вадии Араба до библейского Пунон, ныне называемого Фейнан. Несколько европейцев (Мусиль, Блек, Киркбрайд, Хед, Хорсфилд) сообщали о существовании минералов в вадии. Чтобы установить направление древней дороги и уточнить вопрос о минеральных богатствах, объединенная экспедиция Американской школы исследования Востока в Иерусалиме, Еврейского колледжа в штате Цинциннати и Заиорданского отдела древностей обследовала вадии Араба весной 1943 г.

На протяжении полутораста километров, не считая разветвлений маршрута, экспедиция открыла много пунктов древней металлургии. Неведомая ранее крепость Хирбет Хамр Ифдан в тридцати километрах от Мертвого моря и заградительные стены прикрывали с севера доступ в серию вадии. Крепостной холм усеян черепками железного века, эпохи израильских и иудейских царей и особенно времени царя Соломона. Отсюда шли пути к козням и плавильням, большим и малым, легко опознаваемым по черным шлакам и отвалам.

К числу крупных пунктов металлоплавки принадлежит Хирбет Нахас, т. е. «Медные руины». За мощными стенами происходил процесс плавки руды, детали которого еще не установлены, но характер сырья, продукции и отходов производства совершенно ясны. Помимо укрепления, в близком соседстве производилась выплавка в нескольких

местах. На рис. 26 представлена плавильная печь, образец многих других. Горны сохранились лучше, чем на Синае.

Другой важный центр металлообработки—древний Пунон, т. е. Фейпан, в системе вади Гевейр, замечательного тем, что проточная вода с холмов Эдома в нем не иссякает. Здесь Алоис Мусиль обнаружил шахту, а Франк плавильную печь. Поселения в Фейпане распределяются по стилю черепков от конца раннебронзового периода до настоящего времени, но главная масса обломков принадлежит веку железа, между 1300—600 гг. и соответствует главному периоду добычи меди (стр. 68—69) Выработка продолжалась и при набатейцах.

Вади Араба обладают значительной сырьевой базой: древние копи расположены в пещерах с меденосными жилами Умм ал-Амад, т. е. «Мать столбов» к югу от Фейнана; набатейские плавильни и залежи сырья находятся в ас-Сабра, на 7 км южнее набатейской столицы Петры, не говоря про мелкие разработки эпохи Соломона, набатейского царства или арабского халифата.

Продвигаясь к югу, экспедиция находила остатки деятельности оседлого населения, например Бир Мазкур в 25 км к югу от Фейнана (стр. 72), следы оживленного караванного движения, как видно по каравансарая Гарандель с круглым бассейном или Гадьян с колодцем и источниками.

В южном отрезке вади Араба самые богатые залежи меди экспедиция нашла в Джебель Менейе, в 38 км от залива. Из семи пунктов металлоплавки этого района в одном сосредоточено до двадцати плавильных печей; есть руины и керамика, начиная с эпохи Соломона. Защитой вади Араба с юга служил акрополь Хирбет Иенейе, антипод северному заграждению с Хирбет Хамр Ифдан (стр. 77; ср. стр. 56). Ближе к заливу также оказались остатки плавки около Мрашраш (рис. 39) у сев-зап. угла залива Акаба; другой пункт разработки через шахты и колодцы нашел Франк в глубине вади Мера, в 8 км от залива, напротив острова Фар-ун. Здесь же была найдена и набатейская надпись.

Так, шаг за шагом объединенная экспедиция выяснила совершенно своеобразный характер культурных наслоений вади Араба и его основную роль. Вади Араба—единственное место обработки меди во всей Палестине и Заиорданье в бронзовом веке, поэтому оно и было «яблоком раздора» между эдомитами и израильтянами. Н. Глюк допускает возможность связи с Синаем при фараонах XII, XVIII и XIX династий (стр. 69).

Датируемые разработки медных и железных руд в вади Араба дают новые опорные пункты для истории библейских стран. Н. Глюк предполагает, что залежи меди эксплуатировались эдомитами и кенитами задолго до появления израильтян. Женитьбу Моисея на кенитянке автор сопоставляет с эпизодом с «медным змием» и привлекает рассказ о меднике и кузнеце Тубал-Каине, изготовителе медных и железных орудий. Библейскую «Долину кузнецов» Н. Глюк отождествляет с вади Араба, «Город меди»—с Хирбет Нахас. Согласно Библии, отдельные кениты пребывали в Иудее; это приводит Н. Глюка к рассуждениям о странствующих кузнецах. Автор совершенно игнорирует взгляды на этот вопрос E. Herzfeld, обстоятельно изложенные в книге «Iran in the Ancient East», 1941 г. и основанные на том же отрывке из Библии¹, не считается с теорией Richardson и с положениями акад. Н. Я. Марра.

По данным археологической разведки, металлургия в вади Араба достигала максимального размаха при Соломоне. Констатируя интенсивность ее в железном веке, автор ставит вопрос, как могла она поддерживаться в тех условиях, которые создала природа: скудный запас, местами полное отсутствие воды, жара и засухливость, отсутствие топлива для раскаливания горнов. По мнению Н. Глюка, пища доставлялась караванами ослов, подобно организации работ на Синайском полуострове (стр. 64); эта гипотеза, повидимому, удачна. Еще интереснее разъяснение относительно горючего (стр. 65): топливо в виде древесного угля подвозилось непрерывно караванами

¹ См. В. А. Крачковская. Новый труд Э. Герцфельда по истории культуры древнего Ирана. КСИИМК, XII, изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 180.

с гор Эдома, покрытых густыми лесами; это не вымысел, так как леса вырублены лишь в 1914—1918 гг. турками и сейчас еще горные склоны покрыты множеством пней.

Н. Глюк особо подчеркивает описание «Обетованной земли» в Библии, со всеми ее благами..., «камни которой—железо и из холмов которой ты можешь копать медь...»; он утверждает, что последние слова цитаты применимы только к вادي Араба (стр. 87); и они согласуются с ролью меди в строительстве Соломона.

Гл. III заканчивается сводной таблицей процентного содержания меди и железа в породе и шлаках из восьми пунктов вادي Араба. Наивысшие цифры оказались около Петры, в ас-Сабра—63,2% железа. Анализы произведены Джоном Вебер из Университета в Цинциннати.

О торговле и торговых связях Иудеи времени Соломона автор судит также на основании библейского текста. Иудея выступала в качестве посредника между хеттами, арамейцами, Египтом и Аравией: из Египта вывозились кони и колесницы, перепродавались царям хеттов и арамейцев. Соломон создал флот с финикийской командой, который с грузом меди отправился в Офир из порта Эцион-Гебер и возвратился, нагруженный золотом и другими импортными товарами. После Соломона, Иосафат пытался возобновить морскую торговлю, но неудачно: суда разбила буря (стр. 85).

Гл. IV, стр. 89—113 озаглавлена: «Эцион-Гебер: морской порт Соломона». Автор напоминает, что название Эцион-Гебер было давно известно, как место краткой остановки израильтян во время странствий в пустыне; что они оставили Эцион-Гебер позади, когда двигались в Моав через Ям Суф, т. е. по вادي Араба. Вопрос локализации Эцион-Гебер связывали ранее с теорией отступления залива Акабы, причем считалось, что берег Красного моря отходил на 25—35 км за 1000 лет. На исторических картах Эцион-Гебер помещали иногда на северном берегу залива Акабы; заметим попутно, что так отмечено и на карте в Истории древнего Востока Б. А. Тураева, т. II, 1935 г., под редакцией В. В. Струве и И. Л. Снегирева.

Наконец, в 500 м от залива Фритц Франк открыл городище Телль Хелейфа, подъемная керамика которого совпадала с массой образцов из вادي Араба. При этом сообщении Н. Глюк напоминает (стр. 91) про добычу меди над самым заливом в эпоху Соломона и что набатейский город Айла лежал восточнее городища и существовал до феодального периода.

В 1938 и 1939 гг. экспедиция произвела раскопки Телль Хелейфа. Она установила весьма неблагоприятное расположение городища: его обдувают свирепые ветры из вادي Араба и заносит пески, вода доступна только начиная с этого пункта и возрастает количественно к востоку. Разгадку странного выбора поселения дали раскопки холма, описанные на стр. 92 сл. В северо-западном углу городища, некогда обнесенного мощными стенами из сырца, с уступчатым фундаментом, в основании 5 м, было раскрыто здание с десятью помещениями совершенно исключительного устройства. Стены и перегородки здания пронизаны горизонтально дымоходами и каналами для притока воздуха с расчетом использовать преобладающее направление ветра из вادي Араба. Это металлоплавильня усовершенствованного типа; в ней перерабатывали и очищали первичную грубую выплавку, а также производили отливки изделий; рисунки 45—48 изображают устройство оригинального здания, но образцы изделий, к сожалению, не представлены.

Раскопками установлены четыре периода существования города. Три первых города погибали от пожаров, возобновлялись на прежнем месте, первые два—без изменения плана, но с переустройством тройных ворот. Первоначальный тип ворот и кладка стен соответствуют приемам архитектуры эпохи Соломона. Четвертый слой Эцион-Гебер лежит выше на 3,5—4 м, руины почти исчезли, кирпич иного типа. В третьем слое Эцион-Гебер были сделаны важные находки: остатки сабейских писем на глиняных кувшинах, один кувшин с маркой мастерской, египетский амулет в виде кошки, печати и др. По-иному характеризуют жизнь в Эцион-Гебер III и IV периоды медные и железные гвозди, необычно свитые канаты исключительной прочности, рыболовные крючки, оружие, медные блюда, ткани, корзины.. Однако автор

не попытался проследить, проникали ли медные изделия из Эцион-Гебер в Палестину времени Соломона и нет ли аналогий с находками в южной Аравии.

Верхний слой Телль Хелейфа датируется серединой V в. по краснофигурной и выродившейся аттической чернофигурной керамике (стр. 110); того же периода и арамейские остраки.

В гл. V (стр. 114—157) «Эдом, Моав, Аммон и Гилеад» устанавливается, какова была цивилизация Заиордания в XXIII—XX вв. Сильно укрепленные города-государства с высоко развитой земледельческой культурой были рассеяны к югу от Геразы, по краям плато и над обрывами вади, спускающихся к Мертвому морю. Положение исчезнувших и перепаханных городищ определяется по керамике бронзового века ручной работы. Таковы обширные, теперь сильно запущенные террасы у подножия Хирбет Умм Седейра (стр. 115—116, рис. 61) на северном склоне вади Хеса. Черепки бронзового века найдены возле бывших стен ал-Мудаувара, на обрывистом холме южного Моава, вдоль северного склона вади Муджит и во многих других пунктах. Неожиданно в 180 км от Геразы в 1939 г. на уединенном холме с прекрасно сохранившимися террасами были найдены стены, ограджавшие его макушки (эскизный план на рис. 65). В кольце бывших стен Хирбет Искандер видны остатки домовых фундаментов и множество черепков; правая часть городища усеяна кольцами менгиров и крупными менгирами до 3 м высоты (рис. 62). К тому же периоду автор относит долмены и долменные поля Заиордания (стр. 118—120, рис. 64).

Н. Глюк констатирует перерыв до 600 лет между раннебронзовой культурой и поселениями железного века (стр. 121); «одно из поразительных отличий древних городищ Палестины от городищ Заиордания... это именно частота холмов в Палестине и их отсутствие в большей части Заиордания», за исключением долины Иордана. Он полагает, что племена, населявшие Заиордание в начале железного века, не нашли недавно покинутых поселений, а там, где они встретились, сносили их до основания и строили заново, изгнав бедуинов. В конце XIV и в XIII в. семитические племена разделили Заиордание. Линия эдомских крепостей простирается вдоль границ царства к юго-востоку и на границе с пустыней с юга; впоследствии они были включены в сеть набатейских укреплений, которые выдвинулись в сторону пустыни еще глубже. «Археологическая разведка Эдома открыла, почему иноземная группа не могла войти на его территорию без позволения. Отказ в разрешении—и просители поневоле должны повернуть в сторону, как вынуждены были сделать израильтяне» (стр. 128). Границы Моава были защищены подобно Эдому (стр. 134 сл.).

На внутренней территории царств населены были только города-крепости или сторожевые посты. Керамика Моава, Эдома и их современников в Заиорданье XIII—XI вв. сходна с палестинской: она покрыта красной или коричневой обмазкой, сильно отполирована и расписана темнокоричневыми горизонтальными полосками; иногда добавлены белые полосы (рис. 77). Среди находок выделяются многочисленные фигурки божеств—покровителей плодородия и фигурки животных.

Гл. VI (стр. 158—200) посвящена специально «Цивилизации набатейцев», которой автор касался попутно в предшествующих главах. Носители этой культуры были предшественниками бедуинов до-исламской Аравии. Напомним, что культура и археология набатейского царства исследованы гораздо больше, чем культуры, освещенные в предыдущих главах книги Н. Глюка. Новейшие разведки чрезвычайно расширили и обогатили имевшиеся сведения.

Набатейские укрепления воссоздаются на местах эдомских и моавитских, в руинах находятся черепки того и другого периода; но оборонительная сеть набатейцев расширилась и улучшилась. Набатейцы проявили высокую одаренность и необычайное трудолюбие. Прогресс земледелия был достигнут благодаря развитию ирригации и каптажа влаги, которая появлялась обильно, но на короткий срок. Были осуществлены грандиозные инженерные работы, благодаря мастерству камнерезной техники. Сюда принадлежат цистерны и плотины, лестницы в горных массивах и расселинах, желоба и каналы, высеченные в скалах с использованием естественных трещин. Американская школа исследования Востока зарегистрировала более 500 наблюдательных

башен, но жилые дома, как и храмы и мавзолеи, во многих местах высечены в скалах. Таковы ниши Шейх ар-Риш (рис. 102), посвященные божеству Зу-Шара (не считая ранее известного святилища в Петре), грот с «троном» Зу-Шара в Села, обращенный к восходящему солнцу (рис. 100). Местность села около Бусейра замечательна и другими памятниками, например остатками жилищ, вырубленных в скалах (рис. 99), плотинной или совершенно исключительным по идее использованием конусоидального пика под высеченную в нем сверху цистерну (стр. 168, рис. 98).

Совершенно новы сведения о монументальной росписи. Жилища расписывали по обмазке широкими красными, синими и зелеными полосами. Следует отметить важность этого наблюдения экспедиции для понимания декорации омайядских замков, особенно Карс ал-Хейр в Сирии. Некоторые росписи, например, в ал-Баред отличаются реалистической трактовкой растительных мотивов (стр. 163, рис. 95).

Экспедицией собрано множество образцов набатейской керамики. В раннем периоде она отличается тонкостью фактуры, толщина стенок подобна яичной скорлупе. В росписи красно-коричневатым тоном встречаются мотивы растительные, например пальмовый лист, но также и крапление (на рис. 106 представлено 44 фрагмента). Другой тип керамики покрыт линейными или рубчатыми узорами, которые нередко вытиснены посредством отката круглого штампа (рис. 107). Н. Глюк, судя по остаткам керамики, утверждает, что северная граница набатейской территории простирается от северной оконечности Мертвого моря к Мадебе и что набатейская керамика, найденная в Сирии,—результат импорта через ваді Сирхан (стр. 175).

Переход набатейских племен от кочевого образа жизни к оседлости, согласно Диодору, совершался между IV—II вв. до н. э.; по Страбону—они живут в каменных домах, занимаются земледелием и виноделием. Виноградная лоза характерна для искусства набатейцев; поэтому понятно, что у них существовал культ плодородия.

В Заиорданье обнаружены новые посвяительные надписи (между прочим в честь главного божества Зу-Шара) на набатейском и греческом языках, благодаря которым значительно расширяется набатейский пантеон. Особенно важно открытие храмового комплекса (стр. 179—198) Хирбет Таннур на вершине горы в верхнем отрезке ваді Хеса, раскопки которого производила объединенная экспедиция. За внешним порталом с восточной стороны находится первый двор; 15,6 кв. м вымощены плитами, с каналами для отвода воды. С северной стороны двора поднимается платформа на две ступеньки выше; на ней высилась крытая колоннада, а у сев.-восточного угла—постамент алтаря (рис. 112). С запада четыре ступеньки ведут на платформу со святилищем, которое трижды расширялось. Многие архитектурные и скульптурные фрагменты позволяют восстановить первоначальный вид главнейших частей храма, как-то: отделку входа на платформу со святилищем, портал святилища II периода; они свидетельствуют о высоком художественном уровне строителей Хирбет Таннур. Представленный в этом храме пантеон в Петре не обнаружен: бюст Атаргатис (над входом) в образе богини цветов и плодов, весь тонко завуалированный листвою; Тихе с короной на голове, окруженная знаками зодиака; на пилястрах—бюсты Атаргатис с колосьями, как покровительницы урожая или как покровительницы рыболовства; изображения Хадада. Н. Глюк правильно отмечает следы эллинистических или парфянских влияний: достаточно сравнить со скульптурами Хирбет Таннур воинственное божество из Дуры на Евфрате или Атаргатис в согопа muralis.

Храм второго периода точно датируется votивной надписью от второго года правления царя Харетат—Аретаса IV, что соответствует 7 г. до н. э. Текст прочтен Савиньяном, известным издателем набатейских надписей Хиджры, у южного предела набатейского царства. Вся история Хирбет Таннур укладывается между 25 г. до н. э. и 125 г. н. э. (стр. 197).

Книга Н. Глюка заканчивается выводом, что набатейцы были одним из самых замечательных народов, встречавшихся в истории.

Подводя итог, следует признать, что работа Н. Глюка насыщена необычайно свежими материалами, имеющими громадное значение не только для изучения археологии Заиорданья и прилегающих к нему частей Ближнего Востока. Изумителен ее охват

от неолита до эпохи феодализма. Библейские тексты оживают, благодаря иллюстрации данными археологии. Петроглифы и менгиры чередуются с крепостями и замками. Безлюдное пространство озаряется отблеском интенсивной деятельности в эпоху библейских царств. Приоткрываются тонкие детали неуспяного земледельческого труда и быта. Совершенно исключительна картина металлообработки в Эцион-Гебер и вادي Араба: такого центра и таких подробностей металлургического процесса, какие были прослежены между Мертвым морем и Акабой, мы не знали на всем протяжении культуры, восходящей ко II—I тысячелетию до н. э., несмотря на то, что отдельные районы, например Луристан в западном Ираке, дали огромное количество находок.

Книга снабжена очень интересными иллюстрациями, и далеко не последнее место в ней принадлежит керамике, которая служит надежным путеводителем даже там, где нет ни надписей, ни руин. Будем надеяться, что материалы заиорданских экспедиций вскоре будут опубликованы полностью и систематизированы, чтобы все заинтересованные специалисты могли извлечь из них максимальную пользу.

В. А. Крачковская

CHILVER' G. Cisalpine Gaul. Social and economic history from 49 b. C. to the death of Traian. Oxford, 1941, VI+232 p.

В своей книге Чильвер ставит себе целью дать полную картину развития Северной Италии в течение I в. н.э. и выяснить причины ее упадка, начавшегося к концу этого периода.

Основными его источниками являются Страбон, оба Плиния и надписи. Выбор темы автор обосновывает своеобразием Цизальпинской Галлии, которая, по его словам, отставала в своем развитии на полвека от остальной Италии, приближаясь по характеру к Нарбонской Галлии и Бетике. Изучение Цизальпинской Галлии, говорит Чильвер, может пролить новый свет на пути и результаты романизации провинций империи.

Остановившись на городах и средствах сообщения рассматриваемого района Чильвер переходит к тщательному анализу всех категорий населения: туземных племен—кельтов, венетов и ретов; ветеранов и солдат, поселенных в Северной Италии или происходивших оттуда; горожан и землевладельцев. Он прослеживает карьеру членов нескольких значительных североиталийских семей, дает список крупных чиновников, сенаторов, консулов—уроженцев Цизальпинской Галлии. Далее он рассматривает данные о сельском хозяйстве, промышленности и торговле и заключает свое исследование главой о религии и культуре Цизальпинской Галлии, главным представителем которой он считает Вергилия.

Заключение о положении местных племен Чильвер делает, главным образом, на основании данных ономастики. Он приходит к выводу, что значительная часть этих племен жила на городских территориях и имела право латинского гражданства, те же, которые не были атрибуированы городам, оставались peregrini. Постепенно и те и другие становились римскими гражданами (главным образом в связи со службой в армии), оставаясь, однако, в низших классах, доказательство чему он видит в том, что многие из новых граждан становились севирами, как и толькоотпущенники. Совершенно справедливо замечание автора, что вопрос о туземном населении представляет особый интерес, «отчасти поскольку слишком часто игнорируется наличие в самой Италии не-граждан, а отчасти, поскольку их положение и отношение к ним Рима типично для всего процесса романизации... интересно наблюдать конец этого процесса в Цизальпинской Галлии, возможности, предоставлявшиеся Римом здесь, как и в провинциях, туземному населению, и реакцию последнего в виде ассимиляции» (стр. 80).

Нельзя, однако, согласиться с тем, что процесс романизации здесь вполне закончился к концу I в., как утверждает Чильвер. В известной надписи из Тергесты (CIL